

**Мартиниан Иванов — оренбургский
востоковед XIX века**

Со времени своего основания в 1743 году Оренбург, город-крепость на границе России со среднеазиатскими странами, стал центром практического востоковедения, служившего потребностям внешней политики и торговли в этом регионе. В то же время в Оренбурге развивался интерес и к научному востоковедению, связанному с изучением языков, истории, религии, философии народов Востока. Начало исследованиям в таком направлении положил В. Н. Татищев (1686—1750) во время пребывания начальником Оренбургской комиссии. Он был инициатором собирания восточных рукописей, создания русско-

татарско-калмыцкого словаря, основания школы переводчиков.

Большое значение для развития востоковедения в Оренбурге имело открытие в 1825 г. Неплюевского военного училища — одного из первых учебных заведений этого типа, в программе которого важное место занимали восточные языки — татарский, персидский и арабский [1, с. 189]. Обучение длилось шесть лет в трех классах — нижнем, среднем и высшем. В нижнем проходили грамматику, в среднем — синтаксис и учились писать сочинения, а в высшем читали труды восточных авторов на языке оригинала.

Одним из первых выпускников Неплюевского военного училища, а затем его преподавателем был Мартиан Иванович Иванов. В его формулярном списке, датированном 1833 г.¹, указано, что ему 21 год (т.е. родился в 1812 г.), что он является «воспитанником коллежского ассессора Глазова» и «недвижимого имения не имеет». В училище он поступил в 1825 г. и учился превосходно. Об этом свидетельствует «Ведомость о состоянии Оренбургского Неплюевского военного училища за генварскую треть 1830 года»², в которой он значится первым из учеников старшего класса и где его способности, прилежание и поведение определены высшей оценкой — как «очень хорошие». Так же оцениваются его успехи по татарскому, персидскому, арабскому, французскому и немецкому языкам.

Поэтому понятно, что в 1829 г., ещё не окончив училища, М. Иванов, как сказано в формулярном списке — по предписанию военного губернатора П. К. Эссена, «находился переводчиком» при сыне афганского шаха Шахзаде Магомете Мустафе «во время следования его в Санкт-Петербург», причем был «за исполнение с успехом сего

¹ Государственный архив Оренбургской области — ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а.

поручения Всемилостивейше награжден семидесятью пятью рублями серебром». В 1830 г. ему было предписано «исправлять должность учителя татарского языка при училище».

Курс обучения М. Иванов закончил 27 февраля 1831 г., а уже 10 марта 1832 г. выдержал в Казанском университете «испытание в знании татарского и персидского языков», после чего получил «право быть учителем татарского языка в гимназиях и также обучать чтению, письму и грамматике персидского языка». На этом основании 22 марта 1832 г. он был утвержден учителем татарского языка в Неплюевском военном училище.

Через некоторое время, 20 сентября того же года, М. Иванов обратился к новому военному губернатору П. П. Сухтелену с просьбой использовать его как переводчика¹. Он писал: «Чувствуя себя способным к большому занятию по восточным языкам, в знании коих я удостоен от Императорского Казанского университета надлежащим свидетельством, осмеливаюсь ныне предстать с покорнейшею просьбою: не благоудбно ли будет Вашему сиятельству сверх исправляемой теперь должности занять меня другою». Обширная переписка на татарском языке, которую вел канцелярия военного губернатора со среднеазиатскими ханствами, позволяла ему надеяться, что он при этом «не может быть бесполезен». «Весьма ограниченное мое состояние, — добавил М. Иванов, — которое состоит только в 500 рублях годового жалования (самый меньший оклад в сравнении с прочими учителями Неплюевского училища), лишает теперь меня некоторым образом средств с большою пользою заниматься восточными языками».

Далее в архивном деле следует запись: «1832 года сентября 26-го дня Оренбургский военный губернатор генерал-адъютант граф Сухтелен приказал согласно изъ-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10 485. Л. 1—2 об.

явленному желанию учителем татарского языка Неплюевского военного училища Ивановым употреблять его сверх постоянной должности для переводов при канцелярии своей, производя жалование ему из остаточных сумм на триста рублей в год»¹.

Как следует из формулярного списка М. Иванова от 1841 г.², он с успехом совмещал преподавательскую деятельность с работой переводчика и при В. А. Перовском, назначенном на пост оренбургского военного губернатора после скоропостижной кончины П. П. Сухтелена 20 марта 1833 г. В 1835 г. Иванов был произведен в титулярные советники, а за участие в Хивинском походе 1839—1840 гг. награждён орденом св. Станислава 3-й степени. После похода, с 21 сентября 1840 по 23 апреля 1841 г., он сопровождал посольство эмира Бухарского в Петербург, получив за это награду в 300 руб. серебром.

В архивных документах имеются сведения и о личной жизни М. Иванова: 17 августа 1833 г. он подал В. А. Перовскому рапорт: «Прикомандированный к канцелярии Вашего превосходительства для исправления должности переводчика учитель Неплюевского военного училища Иванов просит позволения вступить в брак с обер-офицерскою дочерью девицею Богородской, проживающей в Илецкой Защите»³. В 1841 г. в семье М. Иванова было уже трое детей — сын и две дочери.

В 1852 г., как указано в «Списке дворян Оренбургской и Самарской губерний»⁴, Мартиниан Иванович Иванов владел в Стерлитамакском уезде 90 душами крепостных крестьян и 500 десятинами земли.

Несмотря на большую занятость по службе, М. И. Иванов не утратил стремления к глубокому изучению восточных языков и интереса к востоковедению. Несомнен-

но. Он испытал на себе влияние П. И. Демезона (1807—1873), выдающегося ориенталиста, чья карьера началась в Оренбурге [2]. В 1831 г. П. П. Сухтелен добился перевода молодого преподавателя Казанского университета в Оренбург, и П. И. Демезон до 1835 г. был учителем персидского и арабского языков в Неплюевском военном училище и переводчиком при Оренбургской пограничной комиссии.

М. И. Иванов стал одним из участников кружка местной интеллигенции, организованного В. И. Далем (1801—1873), который провёл в Оренбурге восемь лет в должности чиновника особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. На заседаниях этого кружка, происходивших по четвергам, обсуждались различные вопросы науки и литературы, преимущественно касавшиеся Оренбургского края [3, с. 193—196, 279—286]. Среди сделанных на «четвергах» докладов В. И. Даль упоминал сообщение М. И. Иванова о медресе — учебных заведениях мусульманского Востока.

О дружбе М. И. Иванова с В. И. Далем и об их научном сотрудничестве свидетельствует примечание к опубликованному Далем в 1835 г. русскому переводу татарской легенды «Жизнь Джингиз-хана» [4]. Здесь он, выражая благодарность Абдулле Давлетшину и Мартиниану Иванову, пишет: «Кажется, перевод верен и близок; впрочем, подлинник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словарь татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во всем, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище г. Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью нередко служил мне, так сказать, живым словарём».

Основные усилия М. И. Иванова в это время были направлены на создание учебника татарского языка. К 1873 г. он уже написал «Татарскую грамматику» и работал над «Татарской хрестоматией». Об этом свидетельствует его

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10 485. Л. 3.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11615/5.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10 485. Л. 4.

⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 42. Л. 13.

письмо от 22 декабря 1836 г. В. И. Далю¹, находившемуся вместе с В. А. Перовским в командировке в Петербурге. М. И. Иванов писал:

«Милостивый государь,
Владимир Иванович!

Наконец, и нам, оренбуржцам, досталось писать в Питер, да только о чём писать в такую столицу? Это трудно разрешить — новость у нас теперь одна: вьюги да метелицы. Снег валит, мороз морозит, метелицы метут. И вот на днях был двой сутки буран при 20° холоду и забурения, в свою очередь, человек двадцати в окрестностях Оренбурга. Но нам, обычным здесь, эти новости не в диковинку, да и Вам, чать, также». О некоторых оренбургских новостях Иванов, опасаясь цензуры, пишет по-татарски арабским шрифтом, а кроме того, жалуется Далю на свои служебные затруднения. Затем он переходит к «Татарской грамматике», рукопись которой высылает Перовскому для представления в цензурный комитет, и просит Даля о содействии. «Так или нет это обделано, Вы сами увидите, — пишет он, — только попросу Вас покорнейше не оставить меня в этом своим покровительством».

Письмо заканчивается просьбой сообщить о его будущей книге — «Татарской хрестоматии» знаменитому ориенталисту академику Х. Д. Френу (1782—1851): «Если будете иметь случай видеть г. Френа, покажите ему оглавление моей Хрестоматии, что скажет о ней». Это поручение послужило поводом визита В. И. Даля к академику, после чего у них завязалась переписка и установились научные взаимоотношения [5].

Работа над «Татарской хрестоматией» была закончена в 1841 г. При её написании М. И. Иванов стремился содействовать распространению литературного татарского языка. Сочинение состоит из двух разделов. В первом приведены собранные автором образцы устного творчества

¹ Пушкинский Дом (Санкт-Петербург). Рукописный отдел. Рукопись под шифром 27321. 1/ СХС VI б. 5—9.

татарского народа (пословицы, песни, загадки). Второй раздел содержит отрывки из классических произведений тюркоязычных писателей, в том числе выдающегося поэта Востока Алишера Навои. Интересно, что М. И. Иванов включил в хрестоматию собственные переводы на татарский язык семнадцати басен И. А. Крылова и других русских писателей.

Относительно завершённой ранее «татарской грамматики» выдающийся востоковед В. В. Григорьев писал, что она «представляет собой по существу сравнительную грамматику, в которой строй татарского языка сравнивается с таковым башкирского и казахского языков» [1, с. 263]. Обе книги М. И. Иванова были в 1841 г. представлены В. А. Перовским к печати. В ГАОО хранится «Дело об отправке в цензурный комитет хрестоматии на татарском языке, составленной преподавателем Неплюевского военного училища Ивановым», которое касается издания этих книг.

Дело начинается письмом военного губернатора от 10 января 1842 г. в цензурный комитет с просьбой рассмотреть рукопись «Татарской хрестоматии» и вернуть ее с соответствующим заключением. Разрешение печатать рукопись, датированное 22 января 1842 г., сопровождается рецензией профессора Мухлевского, который заключил, что «сочинение это, весьма интересное для восточной филологии», заслуживает публикации.

Было решено печатать обе книги М. И. Иванова одновременно в типографии Казанского университета. По этому поводу В. А. Перовский писал 1-июня 1841 г. попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину: «В бытность мою в Казани я имел честь лично объясняться с Вашим превосходительством об отпечатании в типографии Казанского университета Татарской хрестоматии, составленной титулярным советником Ивановым. Ныне, желая привести это в исполнение и сверх того отпечатать

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5110/1.

там же Татарскую грамматику, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство сообщить мне предварительно образцы мелкого татарского корпуса в прилагаемом формате». На ответном письме, в котором уточнялся вопрос о татарском шрифте, он поставил резолюцию «Отпечатать 1200 экземпляров», отметив, что на это издание выделяется 600 рублей серебром.

Началась деловая переписка — о цене бумаги, типографской работы и т.д. Как свидетельствует письмо В. А. Перовского от 8 сентября 1841 г., в Казань была сначала отправлена «Татарская хрестоматия», а «Татарскую грамматику» выслали позже. О готовности её рукописи к «дополнительной отсылке» говорится в письме М. И. Иванова от 17 сентября, в котором он также просит у В. А. Перовского дозволения «украсить означенные книги» посвящением его имени.

В. А. Перовский в это время готовился оставить службу в Оренбурге и перед отъездом приводил в порядок начатые дела. В своём письме, написанном уже в Петербурге 26 января 1842 г., он отдал распоряжение о книгах, изданных его канцелярией, а именно об «Естественной истории Оренбургского края» Э. А. Эверсмана, напечатанной в Оренбурге, и печатавшихся в Казани книгах М. И. Иванова. О последних говорится:

«По 200 экземпляров татарской грамматики и хрестоматии по отпечатании их выдать Неплюевскому училищу. По 800 экземпляров тех же книг предоставить в полное распоряжение сочинившего их титулярного советника Иванова». Оставшиеся экземпляры предписывалось «хранить в канцелярии на случай надобности»¹.

Однако предприятие, начавшееся столь успешно, закончилось драматически: 24 августа 1842 г. в типографии Казанского университета случился страшный пожар, который уничтожил почти весь тираж книг М. И. Иванова. Со-

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5110/1. Л. 21.

мешались считанные экземпляры, так что эти сочинения, получившие высокую оценку востоковедов, стали библиографической редкостью.

Список использованной литературы

1. Кононов, А. Н. История изучения тюркских языков в России. Джиингизский период / А. Н. Кононов. Л. : Наука, 1982.
2. Матвиевская, Г. П. Оренбург и отечественное востоковедение в первой половине XIX века / Г. П. Матвиевская // История и философия науки. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. Вып. 2. С. 9—20.
3. Матвиевская, Г. П. Владимир Иванович Даль в Оренбурге / Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2007.
4. Даль, В. И. Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка : пер. с тат. / В. И. Даль // Сын отечества. 1835. Т. 47, № 4. С. 195—230.
5. Матвиевская, Г. П. Письма В. И. Даля к академику Френу / Г. П. Матвиевская // Наука и техника: вопросы истории и теории. СПб., 2010. Вып. 26. С. 127.